

ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ АРХІВ

**Николай Макаров
(младший)**

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ШЕВЧЕНКА

(Из семейного архива)

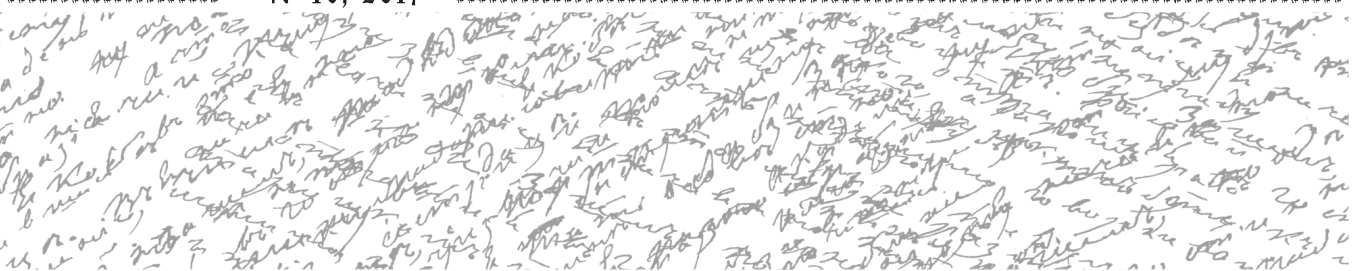
Публікується донедавна мало відома в шевченкознавстві розвідка М. Макарова-молодшого про взаємини Шевченка з Ликерою Полусмак. Заслуга з'ясування вихідних відомостей статті належить В. Дудку (див. його книжку «Тарас Шевченко: джерелознавчі студії», 2014). Підготовка тексту публікації О. Бороня. В українському перекладі статтю вміщено в публікації: Дорошкевич О. Трагедія самотнього чуття (Шевченко й Ликера) // Життя й Революція. – 1926. – № 9. – С. 73–89 (стаття М. М. Макарова – с. 75–84).

Друкується за виданням: Макаров Н. Последняя любовь Тараса Шевченка (Из семейного архива) // Кавказ. – 1899. – 26 июня. – № 165. – С. 2; 29 июня. – № 168. – С. 2; 1 июля. – № 169. – С. 2.

Сорок седьмую годовщину своего рождения¹ знаменитый малороссийский поэт Тарас Григорьевич Шевченко провел на одре смертельной болезни, и на другой день его не стало. Он скончался в Петербурге 26-го февраля 1861 года, едва пережив великую реформу 19-го февраля, о которой мечтал он всю жизнь и весть о которой, по свидетельству друзей поэта, явилась для него настоящим предсмертным утешением, доставив ему один из самых светлых моментов в его безотрадной жизни.

За год с небольшим до смерти Шевченка, в зиму 1859–60 года, случилось событие, само по себе довольно мало важное, но по своим последствиям имевшее несомненное влияние на преждевременную кончину поэта. Событие это почему-то игнорируется некоторыми его биографами; по крайней мере, почти во всех, до настоящего времени вышедших жизнеописаниях Шевченка, в конце замечается существенный пробел: или вовсе не говорится, или упоминается только вскользь о его последнем увлечении, его несчастной или, вернее, злополучной любви к крепостной девушке моего покойного отца, Николая Яковлевича Макарова, некоей Лукерии Полусмаковой.

1 Н. И. Стороженко в июньской книжке «Русской Мысли» за 1898 год, в статье «Мелочи для биографии Шевченка», приводит письмо Шевченка к шефу жандармов кн. Долгорукову, написанное в 1858 году, в котором поэт упоминает, между прочим, что ему в то время было уже 48 лет. Это очевидная ошибка или самого Шевченка, или автора статьи, так как известно, что Шевченко родился в 1814 году.

Правда, документальных данных, относящихся к этому событию, имеется весьма мало, да и те немногие, которые могли бы пролить некоторый свет на интимную сторону этого последнего издевательства судьбы над бедным поэтом, хранились до сих пор под спудом и в настоящей статье предаются гласности впервые.

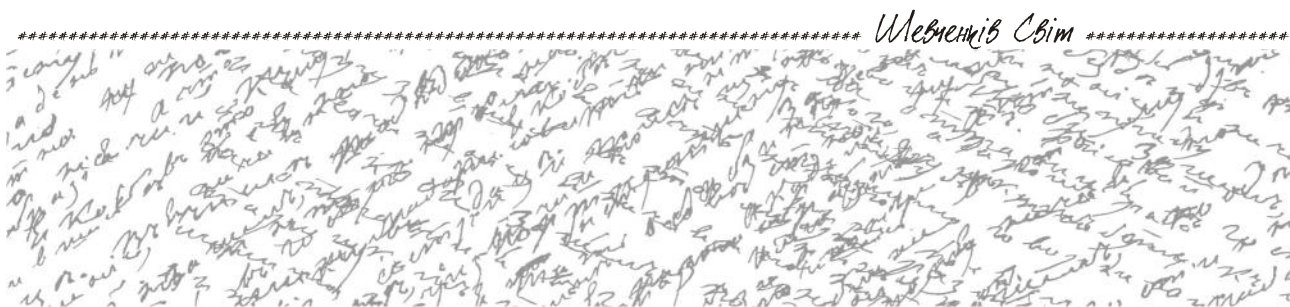
У меня в руках следующие подлинные документы: шесть писем самого Шевченка к моему отцу, одно письмо, написанное от имени Лукерьи и под ее диктовку, и три очень обстоятельные письма к отцу же от очевидцев происшедшего. В последующем изложении я буду, главным образом, предоставлять слово авторам этих писем как живым действующим лицам, причем самые письма или выдержки из них намерен сгруппировать в хронологической последовательности, ограничиваясь с своей стороны лишь кратким связующим повествованием, заимствованным из рассказов современников поэта.

В конце пятидесятых годов Шевченко был возвращен из ссылки и, после поездки по родной Украине, доставившей ему лишь горечь отвергнутой любви к крестьянке Харите, поселился в Петербурге, где и проживал зиму 1859–60 года, вращаясь в среде выдающихся представителей тогдашнего многознаменательного времени. Кто не знает, чем было это время для всего нашего отечества и в особенности для Петербурга как главного умственного и административного центра. В государственном управлении и социальном строе чувались и подготавливались великие реформы, в сфере научной шла кипучая деятельность, литература процветала. Большинство знаменитых писателей были в полном расцвете сил; те же из них, которые успели сойти в могилу, подвергались всесторонней оценке и впервые восставали в полном объеме их творчества. Все это не могло не отражаться на тогдашнем обществе, полном стремлений, надежд и ожиданий, нетерпеливом осуществить или видеть осуществленными давно лелеянные мечты и дорогие идеалы. Шевченко был вполне в своей сфере. Под влиянием теплого участия и искренней дружбы таких выдающихся людей, как Тургенев, Полонский, Писемский, Некрасов, с которыми он близко сошелся, и восторженного поклонения всей малороссийской и многочисленной русской молодой интеллигенции, поэт начинал нравственно оправляться от бесконечного ряда невзгод, унижений и разочарований, из которых сложилась вся его многострадальная жизнь.

В 60-х годах каждый мало-мальски образованный человек непременно должен был принадлежать к какому-нибудь мыслящему кружку. В громадном большинстве случаев кружки эти, которых в то время насчитывалось многое множество, группировались по литературным лагерям².

Вообще, это были годы развития всеобъемлющей утилитарной литературы: она стояла на первом плане и воплощала в себе не только этические и эстетические стремления современников, но также, и даже преимущественно, их политические, социальные, правовые и экономические идеалы. Чтобы составить

² В единственном письме своем к Тургеневу, от 30-го мая 1867 года, знаменитый критик Писарев, между прочим, пишет: «Вы спрашиваете, какое впечатление произвел «Дым» на меня и на мой кружок? Вы, вероятно, удивитесь, если я вам скажу, во-первых, что у меня нет кружка. Я никого не вижу и не знаю из тех людей, которых считают и называют моими последователями. Даже о существовании таких людей я знаю только потому, что о них не раз говорили печатно мои противники».

себе понятие о том громадном общественном значении, какое имела тогда «прикладная» литература, достаточно припомнить необыкновенный переворот в общественном мышлении, вызванный появлением «Записок охотника»³.

Кружок, к которому примкнул и кумиром которого тотчас же по праву сделался Шевченко, группировался под флагом издававшегося в то время в Петербурге Василием Михайловичем Белозерским на малороссийском языке журнала «Основа». Кружок этот, состоявший преимущественно из малороссийских писателей и лиц, чем-нибудь причастных к народному украинскому искусству, ставил своею целью восстановление малороссийской национальности, но исключительно на почве языка и литературы, и был, строго говоря, чужд каких бы то ни было политических тенденций. Направление кружка выражалось в поклонении, подчас переходившем в крайнее увлечение всем тем, что имело непосредственную связь с Украиной и носило национальный характер, до костюма и блюд включительно. Некоторые из его адептов доходили до того, что, состоя на государственной службе, разгуливали по Невскому в малороссийской рубахе и высоких сапогах, о чем впоследствии, сделавшись заслуженными государственными людьми, не могли вспомнить без некоторого смущения.

К этому кружку принадлежал и мой отец, в то время 32-летний молодой человек, малоросс по рождению и убеждениям, принимавший, кроме того, некоторое участие в украинофильской литературе, благодаря чему он и сошелся с Шевченко.

Таково было положение вещей, когда случилось то, хотя и незначительное, но роковое для Шевченка событие, о котором я упомянул выше.

Дело в том, что к концу 59 года, к праздникам Рождества, в Петербург из Полтавской губернии перебралась моя бабушка по отцу, Анастасия Александровна Макарова, захватив с собой, в качестве горничной, крепостную девушку Лукерью Полусмакову.

В Петербурге бабушка поселилась у своей замужней дочери, моей тетки, Варвары Яковлевны Карташевской, жившей с мужем на углу Ямской и Малой Московской, в большом доме, принадлежавшем семье Карташевских и населенном исключительно членами этой многочисленной семьи.

Квартира моей тетки или, вернее, ее мужа, ныне покойного Владимира Григорьевича Карташевского, в то время смело могла быть названа «литературною», так как в ней по крайней мере раз в неделю сходилась поиграть в карты, поболтать и поужинать компания, членами которой состояли: Тургенев, Некрасов, Писемский, Ф. И. Тютчев, критик П. В. Анненков, который потом и породнился с нашей семьей, женившись на сестре моей бабушки, Глафире Александровне, урожденной Ракович, малороссийская писательница Маркович, известная под псевдонимом Марко Вовчка, историк Кулиш и многие другие лица, имевшие

³ По свидетельству графа Льва Толстого, известный писатель Гончаров утверждал в то время, что из народной жизни после «Записок охотника» писать уже нечего, что все исчерпано. В настоящее время граф Толстой приводит это мнение как образчик отчужденности профессиональных писателей и литераторов от истинного народного искусства. («Что такое искусство?» Глава IX). Мне кажется, что маститый питатель, основывая свое заключение на этом примере, упускает из виду, что для такого, по-видимому, преувеличенного суждения современника можно найти удовлетворительное объяснение в истории литературы 60-х годов.

соприкосновение с этим кружком. Нечего и говорить, каким желанным гостем был там Шевченко.

К этому времени относится первая из сохранившихся записок Шевченка к моему отцу, в которой речь идет именно об одном из таких вечеров⁴. Вот эта записка, написанная на листе белой почтовой бумага и отправленная, очевидно, без конверта, так как на четвертой странице находится адрес.

«Дознайтесь, будьте ласкави, чи буде дома завтра в вечери Варвара Яковлевна. Як що буде? То и я до неї прибуду з И. С. Тургеневим. И вы прибывайте як матимете час. Оставайтесь здорови, та забудьте завтра в ранци оповистить мене искреняго вашого Т. Шевченка. 7-го февраля» (1860 г.).

Адрес: «Высокоблагородному Николаю Яковлевичу Макарову»⁵.

Вскоре по прибытии в Петербург вывезенная бабушкой Лукерья заболела какой-то кожной болезнью и была помещена в больницу. Болезнь оказалась просто-напросто чесоткой, и Лукерья через несколько времени вышла из больницы, значительно переменившись к лучшему по внешности, т. е. белая и румяная. Она была высокого роста, статная, то, что называется, – belle femme, имела хорошую косу, красивые глаза и белые зубы; но, – и в этом сходятся все свидетельства очевидцев, – она не отличалась правильными чертами лица или оригинальностью выражения, а являла из себя самый ординарный тип простой малороссийской крестьянской девушки.

Появление Лукерьи в ее преобразованном больницею виде навело моего отца на роковую мысль. Желая особенно угодить Шевченку, он вздумал сшить для Лукерьи настоящее малороссийское платье, со всеми его яркими и пестрыми атрибутами, с тем, чтоб она в этом наряде прислуживала за столом, когда в числе гостей будет Шевченко. Подобная затея легко могла придти в голову ярому украинофилу; на Шевченка же она произвела совершенно неожиданное впечатление, необыкновенные последствия которого читатель сейчас узнает со слов очевидцев.

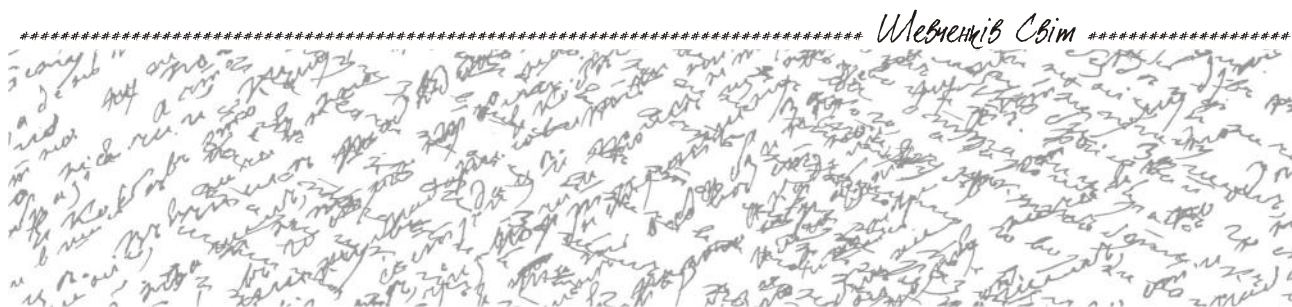
Мне остается только пояснить, что за отъездом бабушки и выездом семьи Карташевских и отца моего на лето за границу Лукерья была помещена к двум сестрам Василия Михайловича Белозерского: Александре Михайловне Кулиш и Надежде Михайловне Забелло, которые в это лето нанимали дачу в Стрельне и вели общее хозяйство. Одной из этих временных хозяек Лукерьи, А. М. Кулиш, я теперь и предоставляю слово.

«27-го июля, в день ангела Пантелеймона Александровича⁶, – пишет она к отцу в письме от 3-го августа 1860 г., – приехали к нам братья, а именно Вася и Виктор (который уже здесь недели три) и Матвей Т. За обедом я поперхнулась и говорю, что будет к нам гость, и предсказываю Тараса Григорьевича. Так и

4 В бумагах отца нашлась еще только одна записка, имеющая отношение к собраниям у моей тетки: это записка Алексея Феофилактовича Писемского, которую я нахожу не лишним привести здесь: «Для меня это еще гораздо удобнее, многоуважаемый Николай Яковлевич, потому что я завален делом. Сегодня даже не обедал у Тургенева, а целый день вожусь с корректурой, да и завтрашний день предстоит то же удовольствие. До свидания. Душевно вам преданный А. Писемский. Дамам вашим мое усердное почтение». (Числа нет.)

5 Все письма Шевченка я привожу с точным соблюдением орфографии подлинника. [Не зберігаємо лише ь в кінці слів. – Ред.]

6 Пантелеймон Александрович Кулиш, муж автора письма, известный писатель.

случилось; после обеда он приехал и сделал предложение Лукерии в саду, а потом я, ничего не подозревая, пошла к нему в сад; он, помолчав немного, сказал: “Я приехал до вас Лукерію сватать, порадьте мене, у мене тут нема никого”. Вы вообразить себе не можете, до чего я была изумлена не тем, что он хочет жениться на горничной, а тем, что он избирает себе в подруги Лукерию! Что на это сказать, зная отчасти очень незавидные качества, привившиеся к Лукерии посредством ли рабства, или она от рожденья так испорчена. Попавшись так неожиданно в посредницы в таком важном деле и сознавая полную необходимость для светлых осенних дней Тараса Григорьевича в доброй, преданной подруге жизни, я, несмотря на все это, считала долгом высказаться откровенно, чтобы после не упрекать себя в неискренности: и хорошее и дурное поставила на вид; последнего было даже больше. Он говорит мне, что не преувеличиваю ли я.

– Нет, я говорю вам для того, чтобы после совесть меня не упрекала, что я, любя вас, могла что-нибудь от вас скрыть. Я не обижусь, если вы не поверите моим словам: я ее мало знаю, и, пожалуйста, проверьте мои наблюдения, расспросите у тех, которые ее знают более меня, достойна ли она вас? – Он очень благодарил меня и, кажется, хорошо понял, что все это говорилось искренно, по крайнему пониманию человека и желая обоюдного счастья как одному, так и другому, хотя я за него больше боюсь, чем за нее. Как она холодно приняла его предложение, хотя через час все во дворе от нее знали об этом...»

В тот же самый день, по отъезде Шевченка, Лукерия пожелала оповестить отца о сделанном ей предложении, и Александра Михайловна Кулиш написала под ее диктовку письмо к отцу, от 27-го июля.

«Я представить себе не могу той минуты, добрый Николай Яковлевич, – писала она впоследствии, – когда вы увидите письмо мое, писанное к вам, от имени Лукерии, такого рода. Ожидали ли вы этого? Вы более это могли предвидеть, чем мы».

Вот это письмо целиком:

«Милый, драгоценный Николай Яковлевич! Осмелилась вас побеспокоить и написать вам. Прошу я вас, не откажите мне в моей к вам просьбе, что я у вас попрошу. Так как теперь находится мне жених и сватает меня, я вас прошу убедительно, если для вас незатруднительно, то вы меня отдайте, ежели вы можете для меня сделать такое счастье; я к вам пишу все равно, как к своему отцу, я за вас буду Богу молить целый век и прошу я вас, не оставьте, хотя я, может быть, и не заслужила у вас этого, то оглянитесь хоть на мое сиротство, отдайте меня за этого человека, которого вы знаете, Тараса Григорьевича Шевченка. И еще прошу я вас об одном, посоветуйте вы мне, как мне идти или нет? Вы все-таки больше меня знаете и все. Когда он мне предлагал, то я не могла решиться без вашего позволения, а так как я вас почитаю все равно, как за отца родного, так вы мне посоветуйте, как надо сделать все. Как я на чужой стороне, не с кем мне посоветоваться ничего. Я сирота круглая, у меня ни отца, ни матери нету. Как вы сами знаете, я вас считаю за отца и за мать за свою; как у меня нет никого, я к вам обращаюсь с этим, как вы мне посоветуете? Ежели вы будете такие милостивые, заставите за себя век Богу молить, я вас не забуду, пока жива буду, и вас всегда буду благодарить. Может, вам это неприятно будет, что я к вам пишу, то вы меня извините в таком случае; я согласна за него

идти, если вы позволите, без вашего позволения я не решаюсь. Если вы будете так добры, так вы подумайте, как надо это сделать и посоветуйте мне все. Я не знаю ничего и прошу я вас убедительно, если вы решитесь это сделать, то объясните это Варваре Яковлевне; пускай посоветуют и Владимир Григорьевич. Затем прощайте, Николай Яковлевич, извините меня, что я вас побеспокоила, передайте почтение Варваре Яковлевне, и Владимиру Григорьевичу, и Надежде Владимировне⁷, также их целую заглазно всех».

Подписано рукой самой Лукерии: «*Лукерия Полусмакова*».

Продолжаю из того же письма Александры Михайловны Кулиш:

«Через день после предложения я поехала к Тарасу Григорьевичу: он просил меня у себя побывать. Я думала, не раздумает ли он; но нет. Он передал ей грамматику и крест, который она получив, спросила о цене и сказала: “Де ж проба?..” Какая она интересантка! Как она хочет с себя стереть то, чем интересуется Тарас Григорьевич: ей хочется быть барыней, а он ищет простоты и родного слова; ее мучит, что его сестра ходит в национальном костюме, спрашивала меня, в чем он был одет, когда он был моим шафером, и лицо прояснилось, когда я сказала, – во фраке. Не пересказать всего, что было говорено».

На третий день после сватовства и сам Шевченко собрался оповестить отца моего о своем намерении жениться на Лукерье. Письмо написано на маленьком клочке белой бумаги.

30-го июля.
1860 року.

«Бог в лица Надежды и Александри Михайловни помогае мени одружичи з вашою дочкою и сестрою Ликерею, помогайте ж и вы в купи з Варварою Яковлевною. Бо вона (Ликеря) 28-го июля⁸ при купних наших друзьях сказала вона мени, що без братнего и батькивського вашого святого слова вона не дасть мени свого такого ж слова (розумна и щира душа!). Вертайтесь ж швидко до нас, та поблагословить и одружить Ликерю з Тарасом, з вашим искреннім-другом. А поки що буде написити їй и мени вашу и думу и пораду.

Искренній ваш Т. Шевченко.

P. S. Як побачите Марью Александровну⁹, то поцилуйте їй гарненько за мене».

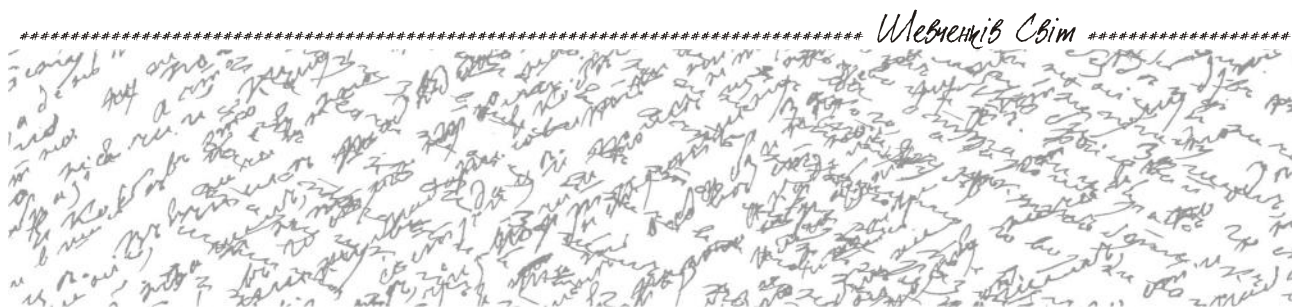
Снова возвращаюсь к письму А. М. Кулиш.

«Он (Шевченко), приехавши во второй раз к нам, подарил ей букет полевых цветов! Через несколько минут они были около крыльца брошены. Боже мой! Как он ослеплен: поэт и проза. Он создал себе идеал и не хочет взглянуть простыми глазами, а нам так больно за него. Все спрашивает Лукерия: “Чи достачний він, чи буде сочинять, як поїде в деревню? Він і старий, і скупий, здається, така неохота йти”. А потом опять разыграется воображение: “Ні, поїду назло дівчатам Карташевським, щоб вони збісились!” Потому что, когда ее повар какой-то сватал, то девушки Карташевских отговаривали его жениться, что это

7 Вся семья моей тетки В. Я. Карташевской.

8 Очевидная ошибка поэта: как свидетельствует А. М. Кулиш, это произошло в день св. Пантелеймона; и число на письме Лукерии указывает на 27-ое июля.

9 Писательница Марко Вовчок.

недостойная пара, а тут вдруг она выйдет за сочинителя и полупана, как она его называет»... «Лукерия, по обычаю малороссийскому, ходит с цветком на голове, как подобает невесте. Она всем хвасталась, как выражаются на чужой даче, своим женихом»... «Ах, как грустно за Тараса Григорьевича! Пошел он в сад и сел с ней в беседке, вся дворня собралась и все жители дачи ходили мимо забора и смеялись, сердце разрывалось на части. Скажи он вам об этом перед отъездом вашим за границу, можно бы совсем иначе поместить невесту Шевченка, устранить ее от всех грязных работ, подготовить ее сколько-нибудь к этой мысли, а то человек ее хочет спасти от падения (как он говорил: «Я боюсь, чтоб с ней того не было, что с Мотрей Марка Вовчка»); хотя я говорила ему, как она обеспечена вами от всякой нужды, но она ветрена очень), а ей кажется, что она делает ему честь, и так неуважительно произносит его имя. Мы мучаемся теперь, делая ей замечания, что то и другое не сделано, что она не причесана, или заспала»...

Далеко не лестную для невесты Шевченка характеристику ее дает в своем письме от того же 3-го августа (письма обеих сестер написаны на одном и том же листе бумаги) и другая хозяйка стрельненской дачи, Надежда Михайловна Забелло. Вот выдержка из ее письма:

«Скажу вам о Лукерии. Вы напрасно просили меня прочитать Лукерии часть вашего письма; она, пока я пообедала, утащила ваше письмо, лежавшее на комодке, прочитала все и на другой день только возвратила, хотя вместе с нами везде его искала; и вместо того, чтоб исправиться после вашего увещания, она завела «вечерницы». Мы ляжем спать, я велю ей ложиться, она посидит немного и пошла, и в третьем часу только возвращалась; разговаривает, поет, хохочет с солдатами, мы слышим, а не можем выйти, потому что она и делает это все тогда, когда у нас кто ночует. У меня бывала ужасная бессонница, ужас до чего я страдала, когда слышала ночью ее голос. После я ей прочитала кусочек из вашего письма, разумеется, не подозревая, что она уже все читала. Вдруг она, разобидевшись и в азарте забыв, что говорит мне из другого листочка, которого я ей и не показывала, начинает меня допрашивать: «а это зачем он говорит?» и проч[ее]... Я ее ловлю и объявляю, что напишу вам об этом, она оправдывается тем, что только одно слово прочитала, хотя сказала мне несколько фраз из вашего письма¹⁰. Тарас Григорьевич предлагал мне через свою невесту 25 рублей в месяц, чтоб я ей дала особую комнату и стол, но я и за сто не хочу ее иметь и хотела вам писать еще прежде сватовства, чтоб вы мне разрешили ее отослать в квартиру Варвары Яковлевны»... «Она такая изворотливая лгунья, такая голова умная и душа черная»... «А теперь она у нас чуть не по головам ходит, хотя я стараюсь нисколько не уступать ей и держаться тона прежнего, хозяйки с горничной, с которой говорю по-приятельски, но требую дела, хотя дела не бывает»...

Теперь, чтобы читатель мог дать приведенным фактам надлежащую оценку, мне остается только познакомить его с высшей степени интересным и метким письмом Василия Михайловича Белозерского, от 2-го августа 1860 года, которое прекрасно резюмирует первую часть романа Шевченка с Лукерьей.

¹⁰ Очевидно, что Лукерия своим поведением раньше подала повод в жалобе на нее отцу со стороны своих хозяек, результатом чего было увещательное письмо от отца, о котором и идет речь.

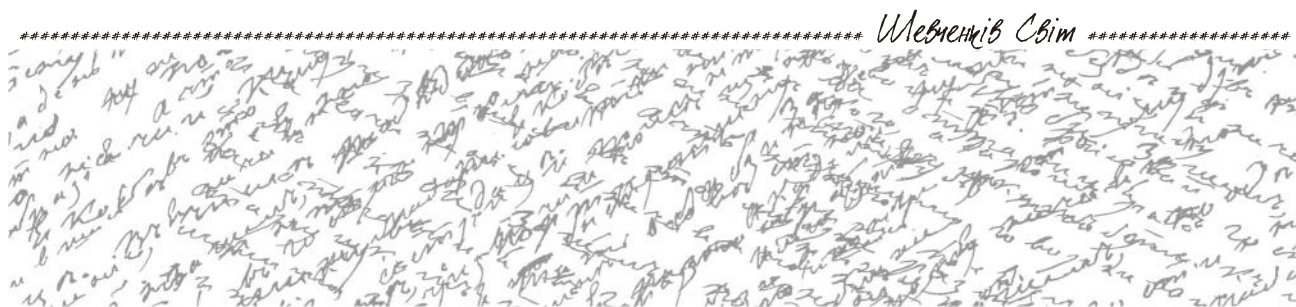
«Милый друг мой, Николай Яковлевич. Желал бы, чтоб первое письмо, которое вы прочитаете, было мое, а не другие: Вы сами угадаете – почему. Неожиданность предложения нашего бедного поэта поразит ваши нервы, – в этом я не сомневаюсь. Действительно, для Тараса Григорьевича нет другого выхода, как жениться на простой девушке и поселиться у себя на хуторе, но выбор его едва ли может принести счастье им обоим. Лукерья – умна, в этом нет сомнения; но она видит в Тарасе Григорьевиче не более, как будущего *старого* мужа, который завезет ее куда-то, куда ей вовсе не хочется, и она так мало надеется быть довольной и счастливой, что не чувствует к нему даже признательности. Она – натура эгоистическая, которая никогда не оценит того, что в Тарасе Григорьевиче есть хорошего, и вполне поймет все недостатки его как мужа. Ей хочется пожить, погулять, и, если уж выходить замуж за старого Тараса, то разве с тем, чтоб жить *паниею*. А ему вовсе не то представляется, не того хочется! Когда он мне впервые сказал о своем предложении, я одобрил его намерение – жениться на простой селянке, но, в отношении к Лукерье, я высказал ему свои сомнения. Сначала он все оправдывал рабством, утверждая, что свобода и довольство подействуют на нее благотворительно и сделают ее такою, какою ему хочется ее видеть; но в другой раз, после одного разговора с нею, когда она больше высказалась, он задумался, стал грустнее и хоть не отменил своего намерения, но уж больше не говорил о женитьбе, хоть он со мною откровенен, и мы три раза были с ним подолгу наедине. Я представляю себе состояние его души так: он не доволен своею поспешностью, сознает, что ошибся, что действительность не осуществит его надежд, но, по самолюбию, по упрямству, по безвыходности своего положения, не видит возможности сойти с дороги, на которую ступил и тайне от себя самого желает, чтоб посторонняя сила свела его с опасного пути. Мне кажется, что, для их общего добра, вы должны дать такой ответ: что вам дорого счастье их обоих; что, когда дело идет о целой жизни, то нужно порассудить хорошенько, посоветоваться всем вместе; что на письме это сделать неудобно и потому вы откладываете до свиданья, которое (я слышал) скоро наступит; но что, во всяком случае, если на то будет их добрая воля, вы им не мешаете. Затем, воротясь сюда, потолковать с каждым из них особо и с обоими вместе и, наконец, высказав свое мнение, предоставить им самим решить дальнейшие отношения. Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, время тут много значит. Что касается до Лукерьи, то по всему видно, что приспело время соединиться ей законным, а при “благоприятных” обстоятельствах – даже незаконным браком. Все, что я говорю об ней в этом письме, выведено из моих личных и сестриных наблюдений»¹¹.

Надо полагать, что в этом духе отец мой и ответил Шевченке.

Между тем, фальшивое положение Лукерии на стрельенской даче становилось для всех невыносимым.

«Тарас Григорьевич бывает здесь по воскресениям, и она (Лукерия) подает обед, я изнываю во все это время, – пишет А. М. Кулиш. – Ради Бога, Николай

11 Когда, еще в бытность мою в Петербурге, летом 1888 года мне пришлось видеться с В. М. Белозерским и беседовать, или, вернее, слушать его интересные беседы о Шевченке, я, между прочим, показал ему и дал прочитать это его письмо, причем он высказал удивление, что сумел в то время, переживая событие, так верно и беспристрастно охарактеризовать его.

Яковлевич, приезжайте скорее: вчера был Шевченко и умолял меня держать у себя Лукерию... а что я мучусь, когда Шевченко приезжает, всегда донельзя кричит и проч., и выходит скандал, и мне стыдно бывает, и я не знаю куда деваться».

Приписывает Н. М. Забелло. Наконец, нашлась добрая душа, которая выручила Шевченка из неловкого положения и согласилась приютить у себя его невесту. Вот что по этому поводу пишет Шевченко в своем третьем письме к отцу, написанном на клочке синей почтовой бумаги и помеченном 6-м сентября.

«Искреннійшій мій друже єдиний! порадившись добре з А. Н. Марковичем¹². От що ми зробили з твоєю дочкою и сестрою. До вашого з В. Я. (Варварой Яковлевной Карташевской) благословенія, перевезли Ликерю до Катерини Ивановни Ивановой (ридної сестри моєї ридної матери графини Анастасії Ивановни Толстой¹³). Мени здаєць що ми добре зробили. Що ви на се скажете? В ожиданіи вашого доброго слова остаємось и я и Ликеря вашими искреннійшими друзьями».

P. S. Ликеря просить вас не вертаця швидко, а вернуця здоровим. На її добру раду и я здався».

Это письмо, как я сказал, написано в начале сентября, а в конце того же месяца, или самое позднее – в начале октября, отец мой возвратился в Петербург, и всякая переписка сама собою прекращается; с тех пор только случайные обстоятельства заставляют Шевченка сноситься с моим отцом письменно, так как он имел возможность видаться с ним ежедневно. Между тем, за это время, в отношениях поэта к его невесте произошел тот роковой кризис, который положил конец первой, – более светлой части его неудачного романа, и породил вторую, полную горечи, желчи и разочарования.

За неимением документальных данных, последующие факты я могу передать лишь в общих чертах, насколько они дошли до меня из более или менее вынужденных рассказов и намеков близких к поэту лиц.

У Е. И. Ивановой Лукерья прожила недолго. Эта замечательно добрая женщина отнеслась к ней с истинно родственным участием и горячо принялась за ее умственное и нравственное совершенствование, что, по-видимому, и пришлось не совсем-то по вкусу Лукерье. По ее настояниям, Шевченко вскоре нанял для нее отдельную квартиру, кажется, где-то на Офицерской, и обставил ее со всей роскошью, какую только позволяли его скудные средства. Для научной подготовки своей невесты он подыскал какого-то учителя, так как признавал себя неспособным в деле преподавания. Сам Шевченко жил тогда в здании Академии художеств и невесту свою навещал ежедневно, в свободные часы. И вот однажды, придя к ней в неурочное время, он застал ее с нанятым для нее педагогом... далеко не за уроками...

Это был совершенно неожиданный и страшный удар для Шевченка, разрушивший самые его заветные мечты о тихой семейной жизни на родной стороне и, кроме того, нанесший глубокую рану его чуткому самолюбию.

¹² Андрей Николаевич Маркович, двоюродный брат моего отца, ныне действительный тайный советник, сенатор.

¹³ Супруга графа Ф. П. Толстого, вице-президента Академии художеств, который относился с большим участием к Шевченку.

В каком угнетенном и беспорядочном состоянии духа был Шевченко после разрыва с Лукерьей легко усмотреть из трех его последних писем к моему отцу, в которых негодование и чувство обиды высказываются даже как-то по-детски, с каким-то беспомощным отчаянием.

Привожу эти письма подряд, так как они не нуждаются в комментариях.

31-го октября.
Друже мій єдиний!

Якби я знав що ми у вечери побачимося у В. М. (Василя Михайловича Белоцерского), то не писавби сій цедули. Мени буде ніколи. А тимчасом незнаю. Я вчора бачився з Е. П. К. Опанас Поганший як ми його знаєм. Та ся річ не мине нас, як не сьогодні то завтра поговоремо. Ще ось ще? Чи ви бачили Ликерю? Чи сказали їй, щоб вона вернула мою мизерію до ниточки. (Реєстр повинен бути у Надєжди Михайловни або у Андрея Николаевича). Як сказали їй, то ще й додайте. Щоб вона в тиждень заробила 4 карб. и от своего имени послала в Чернигов на имя Романа Дмитриевича Тризни. С надписью в пользу черниговской воскресной школы. Цією ціною окупить вона и свою, и мою погану славу.

Добре булоб якби ми в вечери побачились. Та незнаю. А тимчасом нехай вам Бог помога на все добре.

Искренній ваш Т. Шевченко.

Письмо написано на клочке синей почтовой бумаги.

5-го ноября.
Друже мій єдиний!

Чотири карбованци пошлить от имени неизвестного в Чернигов, а те що осталося у Ликери спалит тайгоди! – У середу я звами не побачуся.

Нехай вам Бог помога на все добре!

Искренний ваш Т. Шевченко.

Адрес на 4-ой странице:

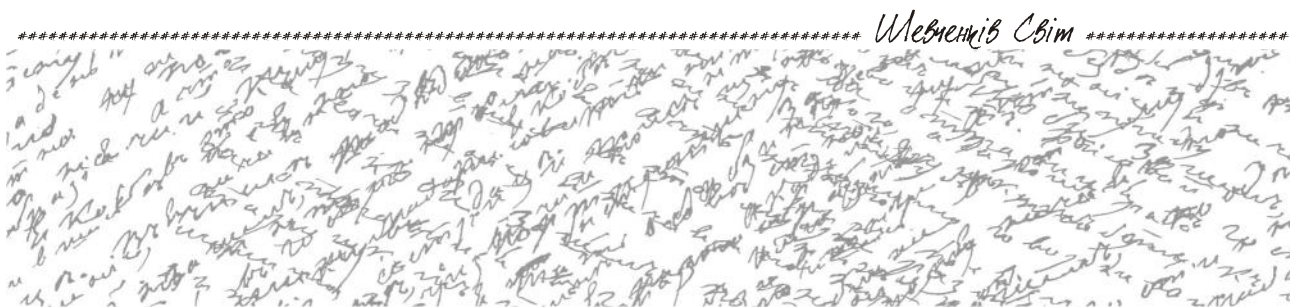
Николаю Яковлевичу Макарову.

Письмо написано более крупным и небрежным почерком, чем все остальные.

9-го ноября.
Друже мій єдиний!

Коли бить то треба бить так щоб болело, а то непоможеш, а тилько нашкодиш (чернеча аксіома). Та воно тепер и нам до ладу. Ликеря збрехала передвами, передомною, и перед К. И. (Екатериной Ивановной). За це вона повинна хоч украсти, а послать (от имени неизвестного) в Чернигов на цель известную. Кромі вещей, которья я вас просив спалить при іи очах, треба щоб вона заплатила. За квартиру 14 руб. за ключ, ею потеряный, 1 руб. Ще раз прощу вас, яко искреннійшого моего друга, зробіть як умієте, и швидче. Аминь.

Щирій ваш Т. Шевченко.

Этим письмом заканчивается последняя часть романа Шевченка с Лукерьей. Их неожиданный разрыв произошел в конце октября 1860 года, а в феврале 1861 года, т. е. через какие-нибудь неполные четыре месяца, *Шевченка не стало*. Под конец своей жизни поэт сильно грустил, забросил свои занятия, стал чуждаться людей и возвратился к пагубной привычке находить утешение в превратностях судьбы на дне чаши. Это последнее обстоятельство, разлив у него неизлечимую водянку, и свело его в могилу.

Когда я вспоминаю жизнерадостное письмо, которым Шевченко уведомлял отца моего о своей помолвке, написанное всего за полгода до его смерти, я не могу отказаться от предположения, высказанного в начале настоящей статьи, что в столь быстро последовавшей кончине поэта немалая доля вины лежит на Лукерье.

Читатель, может быть, поинтересуется дальнейшей ее судьбой? Я знаю о ней весьма мало. Мельком мне пришлось слышать, что ей удалось хорошо выйти замуж за какого-то цирюльника, который впоследствии открыл собственную парикмахерскую, кажется, в Царском Селе.

Во всяком случае, ее доля на земле была лучше доли вдохновенного украинского народного поэта.

